

РАЗРЯДЫ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ НА ЮГЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА НАКАНУНЕ СОЗДАНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

О.А. Курбатов

Российский государственный архив древних актов, г. Москва

В статье рассмотрены особенности организации, вооружения, служебные задачи всех разрядов ратных людей в крепостях и уездах Русского государства на южной границе во второй половине XVI – первой трети XVII вв. Автор приходит к выводу о существовании хорошо обоснованных штатов для гарнизонов новых городов, которые поддерживались в течение десятков лет. Особого внимания заслуживает организация сторожевой и станичной службы – во многом образцовой для своей эпохи.

Ключевые слова: военная история России, вооружение и тактика, служилые люди, военная логистика, казачество.

Первые историки, которые вплотную приступили к теме развития царского войска в XVII столетии, с недоумением отнеслись к разнообразию разрядов служилых ратных людей на южной окраине Русского государства. Не изучая всерьез весь массив документации, они не видели (или не желали видеть) какой-то разницы между сторожевыми, полковыми или беломестными казаками, станичниками, стрельцами, черкасами, драгунами, даже украинными детьми боярскими. Другим общим заблуждением была уверенность в том, что все эти разряды ратных людей являлись в первую очередь земледельцами, которые почти не обучались воинской службе и в силу этого были небоеспособны. Многие из этих стереотипов были оспорены и преодолены благодаря трудам историков XX века, однако четкого понимания того, что всё разнообразие воинских людей на Черте было обусловлено вполне объективными и рациональными соображениями, не хватает и по сей день. Данная статья преследует цель именно прояснить специальные вопросы вооружения, снаряжения, тактики, происхождения отдельных разрядов пеших и конных ратных людей на юге России, что очень важно для понимания прочих моментов истории освоения и защиты этого региона.

Для того, чтобы сориентироваться в видимом разнообразии разрядов ратных людей в Польских городах к началу сооружения Белгородской засечной черты, необходимо рассмотреть процесс их формирования, который начался в конце XVI века – в основном, в период правления царя Федора Иоанновича. Комплексы документов об отдельных уездах показывают, что правительство изначально определяло штат ратных людей для конкретной крепости и, видимо, размеры будущего служилого «города» (сообщества помещиков, детей боярских). В каждом городе, выдвинутом глубоко в степь на один из основных татарских шляхов, планировалось поселить более тысячи ратных людей. Этого числа, с учетом мощных крепостных сооружений, должно было хватить для успешной обороны даже от крупных сил крымских татар, а также для эффективной маневренной борьбы с мелкими отрядами по всему уезду.

Штаты украинских гарнизонов

К примеру, летом 1591 г. для строящейся с весны крепости Елец был установлен штат в 200 чел. детей боярских, 200 чел. стрельцов, 10 чел. пушкарского чина и 600 чел. казаков – всего 1010 чел. Впоследствии число казаков было ещё увеличено за счет

станци двух донских атаманов (на 100 чел.). Донские казаки поселились отдельной слободой с острогом за р. Быстрой Сосной; поскольку их слобода была свободна («обелена») от всяких повинностей, ее называли Беломестной, а донских казаков – «беломестными»¹⁴⁵.

Укажем еще один, гораздо более ранний пример «штатного расписания» нового гарнизона, видимо, на 1570-е годы. По «Сказкам жителей города Данкова, собранным после разгрома их города черкасами Сагайдачного (в 1618 году), в блаженные памяти при Государе, царе и великом князе Иване Восильевиче всеа Руси»:

«Сторожевых месечных козаков устроено была сто семнатцать человек, а оклад им по петъдесят четвертей человеку, а денег по шти рублев.

А полковых козаков была устроено по четыряста без семинатцати человек, а оклад им землю: петидесятнику по сорок четьи, а десятником по тритцати четьи, а редовым козаком по дватцати четвертей человеку. А денежного жалованья по пети рублев человеку.

А стрельцов была в Донкове устроено сто человек, а денежного жалованья им по два рубля с четвертью. И после того им доно земли: пятидесятнику стрелецкому десять четьи земли, а редовым стрельцом по осьми четвертей.

Пушкарей была устроено десять человек, а затинщиков тритцать человек, а давана им денежная жалованья по пять рублев. А после того устроены землю блаженные памяти при государи цари и великом князи Федоре Ивановиче всеа Руси по четьи четверти человеку.

А беломестных отоманов была устроено тритцать человек, а жалованья им давана по семи рублев. И те отоманы сведены на Воронож. А земли им окладу не была».

Таким образом, мы вновь видим довольно «правильный» по цифрам штат: 117 сторожевых казаков (по числу станиц и сторож), 383 полковых казака (вместе – 500 чел.),

¹⁴⁵ Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI – XVII веков. Тула, 2011. С. 12.

100 стрельцов, 10 пушкарей, 30 затинщиков, 30 «беломестных атаманов». Детей боярских в Данкове не было, поскольку землю раздали служилым людям «по прибору», а не в поместья; город находился по соседству с крупными корпорациями тульских и рязанских помещиков.

Дети боярские

В перечнях украинских ратных людей собственно конницей, «конными ратными людьми» или людьми «конной полковой службы» были только дети боярские. По нормам, установленным еще в первой половине XVI века и действовавшим до Смутного времени, они являлись на службу одвуконь, «в саадаке и в сабле» – то есть, с оружием ближнего (сабля) и дальнего (лук) боя. Помещики в случае дальнего похода обязаны были иметь кошевых холопов – «людей в кошу», которые с телегами или вьючными лошадьми обеспечивали их запасом для службы. Впрочем, у таких небогатых помещиков, как «польские» и украинские дети боярские, один холоп приходился на несколько человек детей боярских.

К началу правления царя Михаила Федоровича детям боярским уже не возбранялось вместо саадака выходить на службу с огнестрельным оружием «дальнего боя» – «езжей» или «завесной» пицалью. По всей видимости, такое легкое ружье с достаточно длинным стволом, предназначенное для прицельной стрельбы с коня, стало производиться в России незадолго до Смутного времени под влиянием аналогичных турецких образцов¹⁴⁶. После массовых закупок оружия в Голландии накануне Смоленской войны 1632 – 1634 гг. у некоторых помещиков появляются карабины и пистолеты, однако пистолет считался оружием «ближнего боя». В условиях степной войны, когда противник благодаря скорости своих лошадей успешно

¹⁴⁶ Чубинский А.Н. Казачьи пищали в собрании Музеев Московского Кремля // Материалы и исследования / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2012. Вып. XXI. С. 122 – 141.

уклонялся от рукопашной схватки, наличие «дальнего боя» (саадака, «завесной» пищали или карабина) для полноценного ратника «конной полковой службы» в 1630-е – 1640-е годы оставалось обязательным требованием¹⁴⁷.

Добавим, что дети боярские не объединялись в постоянные отряды типа стрелецких сотен; их временные «сотни» с командирами-«головами» могли насчитывать и по 30 – 40, и по 150 – 200 бойцов, в зависимости от тактических задач. И лошадей, и оружие помещики приобретали сами, что неминуемо порождало разницу в качестве их «службы», то есть всего комплекса боевого снаряжения. На каждом смотре при выдаче жалования это качество придирчиво оценивалось, и ратные люди в зависимости от оценки делились на «статьи». В Смутное время первая и вторая «статьи» нередко привлекались к «дальней полковой службе», к примеру, под Смоленском, в то время как дети боярские из третьей «статьи» (ранее они назывались «с малых статей») оставались стеречь южную границу недалеко от дома.

В конце XVI – начале XVII вв. правительство предприняло большие усилия по привлечению в дети боярские Польских городов максимального количества и знатных и незнатных (нетяглых) людей. Поэтому, несмотря на потери Смутного времени, к 1626 году эта категория ратников была наиболее многочисленной по восьми Польским городам (Елец, Курск, Воронеж, Ливны, Белгорода, Валуйки, Оскол и Лебедянь) – 2527 чел., не считая шестидесяти белгородских станичных детей боярских. При этом, только в Ельце численность служилого «города» возросла с 200 чел. (около 1592 года) до 627 чел.

Стрельцы

Второй разряд украинских гарнизонов – это стрельцы. Как правило, в городах они составляли правильно организован-

ные отряды – сотни, во главе с сотниками из детей боярских. Сотня делилась на две половины во главе с пятидесятниками и на десять десятков; десятками командовали те же два пятидесятника и восемь десятников. Сотни подчинялись не напрямую воеводе, а «голове» из дворян либо «стрелецкому и казачью», либо «осадному». Компактное место проживания каждой сотни представляло собой особую слободу в отличие от стрельцов Москвы, Новгорода и некоторых других крупных городов, где в крупных слободах размещался целый приказ (от трех до пяти и более сотен). Стрельцы получали из казны денежное жалование, а вместо хлебного на плодородных южных землях им отводились наделы земли не в личную, а в общинную собственность, на целое подразделение.

Основным оружием у них была пищаль, после Смуты это было ружье с кремневым замком «русского типа»¹⁴⁸, длиной ствола в шесть «пядей» или одну «меру» (около 107 см)¹⁴⁹. На казенной части ствола ставился знак государевой казны – двуглавый орел, – от чего все ружье называлось «пищаль государева орленая». Во многом это делалось во избежание злоупотреблений со стороны самого стрельца – чтобы он своё оружие не пропил или не продал сторонним людям. Что же касается остального вооружения и снаряжения (ножи, пороховницы, бердыши или рогатины, иногда сабли), это всё считалось личной собственностью служилого человека и учёту обычно не подлежало; на свои же деньги он был обязан покупать в мирное время некоторое количество пороха и свинца и «почасту» обучаться стрельбе под присмотром стрелецкого сотника и головы. Собственно, помимо пищали

¹⁴⁸ В росписях казны южнорусских городов иногда упоминается еще «свицкий замок» – что является архаичным названием кремневого замка вообще, перешедшее в документы из практики еще с XVI века (см.: Чубинский А.Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI - начала XVIII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14-16 мая 2014г. СПб., 2014. Ч. IV. С. 405-428)

¹⁴⁹ Яковцевский Б.М. Пищали и самопалы Устюжны Железопольской (вступительное слово Ю.С. Васильева, И.В. Пугача) // Устюжна: Краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 3. // [Электронный ресурс] <http://booksite.ru/fulltext/3us/tuz/hna/7.htm>

¹⁴⁷ Курбатов О.А. «Оружность» русской конницы 1630-х – начала 1650-х гг. // Цейхгауз: Военно-исторический журнал. 2006. № 23. С. 2–4.

или «самопала» никакого штатного оружия за стрельцами не числилось. Замечательно, к примеру, показание данковских жителей об одном из стрельцов: в 1619 г. на переправе через р. Кобельшу данковцы остановили отряд из 50 татар, а в 1648 году сторожевой казак Семен Духанин сообщал о том, что «на кобельшинском бою» стрелец Кондрашка Алапердин потерял свою казенную пищаль, и «про то ведает весь город»¹⁵⁰.

Относительно цветного импортного сукна на кафтаны у нас нет никаких положительных документальных подтверждений их выдачи городovým стрельцам в 1630-е – 1640-е годы. Переписка начальства Белгородского полка с Разрядным приказом о снабжении цветным сукном единственного жилого приказа московских стрельцов (с 1658 г.) говорит, скорее, об исключительности этого подразделения во всем Белгородском разряде¹⁵¹.

Численность стрелецких гарнизонов оставалась на уровне, установленном в 1580-х – 1590-х годах при основании Польских городов. Её ограничивали рамки сметы Стрелецкого приказа, который отпускал денежные средства на жалование своим подведомственным служилым людям. Количество стрельцов по 8 городам на 1626 год – 1238 чел. – было несколько меньше штатных норм досмугного времени.

Отметим важную особенность стрелецких гарнизонов трех южных городов – наличие конных стрельцов. В 1629 году на Епифани продолжала существовать сотня «стрельцов конных» 95 чел.¹⁵², в Михайлове числилось две сотни конных и одна пешая, а на Валуйке в одном приказе состояло 150 конных стрельцов и 220 конных казаков, да еще «70 чел. стрельцов пеших»¹⁵³.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. №. 406. Столпик 3. Л. 8 (благодарю А.С. Ракитина за указания на документы по Донкову).

¹⁵¹ Ахметов Р.Б., Бабулин И.Б. Белгородский приказ московских стрельцов в 1658-1680 гг. Очерк полковой истории // [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Т. VII. – С. 1-59. <http://www.milhist.info/2015/07/14/akhmetov_babylin> (14.07.2015)

¹⁵² В 1631 году штат епифанских стрельцов изменился: из 100 стрельцов 30 только человек «служат конную службу» (остальные пешие)

¹⁵³ Книги разрядные, по официальным оных спискам издан-

Эти стрельцы частично также служили «с земель», получая несколько большие надежды, но в Михайлове ситуация была другая: «служат с денежного и хлебного жалования», и только пешие – «с земель». Учреждение конных стрелецких сотен можно связать с недостатком полноценной конницы из детей боярских в конкретных уездах – подобно тому, как в Астрахани на Терках, где помещиков также не было, существовали целые приказы конных стрельцов.

Пушкарский чин. К стрельцам по своему статусу примыкали люди «пушкарского чина» – пушкари, затинщики, воротники. Они занимались всеми вопросами, связанными с городской артиллерией («городовым нарядом») – не только берегли и обслуживали орудия и затинные пищали, но и следили за порохом и боеприпасами, изготавливали фитиль, следили за состоянием станков и колес (лафетов); воротники не только стерегли городские ворота, но и обслуживали механизмы городских замков. Порой именно пушкари выступали и в качестве полевой жандармерии: когда воеводам необходимо было срочно собрать из уезда помещиков, не спешивших на службу, за ними посылались люди «пушкарского чина». Про какое-то ручное огнестрельное или холодное оружие у них определенно неизвестно. Жалование они получали из Пушкарского приказа – подобно тому, как стрельцы из Стрелецкого. Больше всего пушкарей в 1626 году состояло на Валуйке (100 чел.), а всего по восьми Польским городам – 411 (от 34 до 51 чел. в каждом). В случае осад в помощники («в поддатни») к пушкарям назначались ратные люди других разрядов, а сами они руководили расчетом каждого из орудий.

Казаки

Третьей многочисленной группой ратных людей на юге были казаки. Изначально, как видно на примере Ельца, это были «люди с вогенным боем», вооружённые

ные... СПб., 1855. Т. II. Стб. 171, 183, 335.

пищальями наподобие стрельцов. Однако, важным их отличием было то, что самопалы они должны были покупать за собственный счет, и какого-либо казенного снаряжения у них не имелось вообще. Английский путешественник Стифен Бэрроу увидел и сходство, и различие между стрельцами и казаками в другом пограничном русском городе – Астрахани (зимой 1579 – 1580 гг.): «Астраханский «капитан» (воевода или голова-?) содержит своих солдат в полном порядке и готовности; их всего 2000 человек стрельцов и казаков; из них 1000 стрельцов, которые считаются настоящими солдатами; как солдат, всегда охраняющих крепость, их не употребляют ни на какие работы, кроме упражнений во владении своим оружием, караулов и т. п. Казаки также учатся владеть своим оружием; они сторожат город, и обычно им поручают всякого рода работы»¹⁵⁴.

Городовые казаки в XVI веке были организованы по стрелецкому образцу в приказы или «приборы», в сотни и десятки. Вместе с тем, к ним предъявлялись, по-видимому, не такие строгие требования, как к стрельцам, что позволяло гораздо быстрее набрать в казачьи сотни необходимое количество «вольных людей». Кроме того, большая часть городских казаков в городах «от Поля» и в большинстве украинских и северских имела лошадей для походной службы, чтобы передвигаться верхом и сражаться спешными – почему они и причислялись к «конным людям с вогненным боем». По сметам 1626 года, таковых казаков только в городах от Поля насчитывалось почти 1900 чел. Краткое описание казаков оставил Жак Маржерет (служил в России на рубеже XVI –XVII вв.), говоря о даточных конных людях: «Их, однако, не отличишь по одежде, поскольку им надлежит быть одетыми по-казацки, то есть – в платье ниже колен, узкое, как камзол, с большим воротом, откинутым назад и доходящим до пояса. Половина из них должны иметь аркебузы,

по два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю». Кроме того, капитан-иноземец отметил излюбленный способ борьбы конных казаков или стрельцов с татарами – стремительно обогнать их и организовать засаду на одной из речных переправ в степи: «Русская пехота, или аркебузиры, находясь на берегу реки или в лесу, заставляет их убежать во весь опор, хотя в действительности они более способны их напугать, нежели чем нанести какой-нибудь вред»¹⁵⁵. Здесь, кстати, Маржерет чересчур критичен: боевой прием нападения на противника из засады во время переправы не раз приносил победу не только над татарами, но и над поляками, и над русскими сторонниками самозванцев в эпоху Смутного времени.

Помимо конных казаков, ряд воевод украинских, северских и польских городов принимал на службу вольных донских атаманов и казаков. Если они «прописывались» по городу в качестве «беломестных» казаков, то они несли только пешую службу, главным образом по обороне своей собственной слободы (как в Ельце)¹⁵⁶. Но вообще политика царской власти по отношению к опытным степным воинам была гибкой, и в разных городах их принимали на службу на особых условиях. Так, в Воронеже (по данным на 1626 год) существовал крупный отряд «атаманов слободских конных» (137 ч.), но кроме него, имелись группы «атаманов беломестных» (48 чел. пешей службы) и неких «казаков донских, которые живут на белых местех» (54 чел.) – и это не считая собственно городских конных казаков и поместных казаков, приравненных за свои заслуги к детям боярским. В итоге, кстати, к 1631 году всех воронежских казаков и стрельцов поставили под начало единого «стрелецкого и казачьей головы», двух стрелецких и четырех казачьих сотников...

¹⁵⁵ Маржерет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007. С. 148, 152.

¹⁵⁶ Но были и исключения: в Белгороде в сводный стрелецко-казачий приказ входил отряд из 6 «беломестных атаманов» и 82 «беломестных и волжских казаков», которые были помечены как «конные».

¹⁵⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Отв. ред. Н.Л. Рубинштейн; перев. Ю.В. Готье. М., 1938. С. 266.

Но донские казаки, «которые живут по слободам близко города на белых местех», в этот приказ не вошли¹⁵⁷ будучи, видимо, приравнены к разряду жилых посадских людей, а не ратников.

Важной особенностью организации подобных отрядов было отсутствие видимой правильности, «регулярности», какую мы видим у стрельцов и городских казаков. Вместо сотен и десятков их основной боевой единицей являлась «станция» – бывшая ватага вольных людей во главе с атаманом и есаулом (заместителем). Так, при строительстве Ельца атаманы Михаил Ташлыков и Роман Дробышев, а с ними 30 казаков обратились с просьбой поселиться «белой слободой»; им разрешили, с условием довести численность обеих станиц до 100 человек (что и было постепенно сделано)¹⁵⁸. Другие станицы формировались, возможно, уже на месте: уже упомянутые воронежские конные «слободские атаманы» представляли собой четыре отряда, известные по названию своих слобод: «усменских 59 ч. атаманов, июntenских атаманов 33 ч., ивнитцких атаманов 36 ч., излегощинских атаманов 26 ч.» (по данным 1616 года)¹⁵⁹. Один из этих отрядов, как мы видели, еще при основании города был переселен в полном составе из Донкова.

Надо сказать, что вряд ли воеводы стали бы принимать на службу людей совершенно не известных, случайных, однако о былом боевом пути казачьих станиц, еще до их поселения в слободах, сведений почти нет. Единственно, в силу их исключительности мы можем уверенно предполагать о происхождении отрядов старых выходцев с Украины великого княжества Литовского – тульских, михайловских и дедиловских черкас. В конце 1557 г. литовский князь Дмитрий Вишневецкий перешел на русскую службу и привел с собой дружину в 250 – 300 чел. в основном из казаков, набранных на Украине («каневских черкас»). Для содержания этого двора вельможа получил в вотчину город

Белев с уездом, а также села в Дедиловском уезде. По мнению О.Ю. Кузнецова, люди Вишневецкого были формально поверстаны на государеву службу и наделены землями в Белеве и Дедилове осенью 1558 г., для чего их специально отозвали с Днепра к своим поместьям. После боев под Азовом и в Керчи уже в 1559 г. земельные дачи были увеличены «за озовскую и за черкасскую службу»¹⁶⁰. Несмотря на то, что в 1561 г. Вишневецкий со своим двором вновь перешел на службу польскому королю, не все его соратники последовали за ним. Практика же привлекать украинских казаков к походам продолжилась в прежних масштабах, о чем говорит упоминание «атаманов и казаков черкасских 482 ч.» в составе Ертоульного полка во время Полоцкого похода царя Ивана Грозного 1563 года¹⁶¹. В итоге, потомки поселенных черкас, пережив события Смутного времени, продолжали служить на окраинах Тульской земли. По данным 1616 г., «на Дедилове ... с атаманом Левонтьем Милошевым черкас 25 ч... на Михайлове ... черкас михайловских 40 ч.»¹⁶²; похоже, что потомками казаков воеводы Адашева и князя Вишневецкого были и тульские черкасы, а также расположенный в Туле отряд «днепровских» или «днепровых» (иногда – «непровых») казаков. Оберегая традиционные связи внутри каждой станицы, царское правительство не дробило их, поселяя в каждом случае отдельной слободой, а также доверяло самим казакам избирать себе новых атаманов и есаулов.

Всё это, собственно, и придавало особую боевую ценность вышедшим с Поля казакам: их станица была спаяна в единый военный организм еще во время вольной жизни в степи, станичники ходили в одних стругах на Черное море, бились с татарами в Поле, на всех разделяли радость успехов и горечь боевых потерь. Память о былых богатырских подвигах и пережитых лишениях объединяла и воодушевляла их не меньше, чем

¹⁵⁷ Книги разрядные... Т. I. Стб. 1235, Т. II. Стб. 344.

¹⁵⁸ Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI – XVII веков. Тула, 2011. С. 17, 18.

¹⁵⁹ Книги разрядные... Т. I. Стб. 192.

¹⁶⁰ Кузнецов О. Рыцарь Дикого поля. М., С. 132–135, 142, 143, 150.

¹⁶¹ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562 – 63 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 129.

¹⁶² Книги разрядные... Т. I. Стб. 185.

стрельцов их традиция государевой службы, а детей боярских – честь рода и служилого «города». В этом плане образ боя и набор вооружения имел для них второстепенное значение: в зависимости от получаемого жалования и условий службы казаки несли либо пешую службу, либо «конную с пищалями», а впоследствии целыми станицами стали зачисляться в полки нового строя.

Сторожевые казаки и дети боярские

Наконец, еще одной из важнейших категорий ратников как в Польских, так и в ряде Украинных городов являлись служилые люди станичной и сторожевой службы. Их количество в городах было кратным численности и числу станиц и сторож, которые с четко установленной периодичностью и по оговоренным маршрутам и местам выходили в степь для наблюдения за татарами и «воровскими людьми» (в первую очередь – черкасами – украинскими казаками). Еще начиная с первых указов и знаменитого приговора о станичной и сторожевой службе начала 1570-х годов в Разрядном приказе занимались организацией всей сети дозоров в целом, а уж затем смотрели на возможности их размещения и комплектования личным составом по отдельным уездам. С постройкой новых городов на Поле маршрут станиц изменялся таким же образом – централизованно – после тщательного изучения всего вопроса; затем это отражалось и на составе городских отрядов¹⁶³.

Подчеркнем, что правильному функционированию степных дозоров правительство придавало первоочередное значение: так, в Данкове в ходе Смуты число «месячных казаков» сократилось со 117 до 100 чел. (к 1616 г.), а после разорения города Сагайдачным в строю осталось всего 54 чел. (в 1618 г.). И тем не менее, уже по переписи 1624 г., мы снова видим «жилыми» все 117 дворов

сторожевых казаков, при том, что стрельцов и полковых казаков всё еще сильно не доставало до прежнего штата. Известно, что число этих дозорщиков было срочно пополнено за счет других категорий данковских служилых людей. Сделать это было нетрудно: земельные наделы сторожевых казаков привлекали большим размером, чем у прочих категорий ратников, приближаясь к «дачам» детей боярских; за потерянное во время службы в Поле имущество им полагалась обязательная денежная компенсация половины номинальной стоимости.

Отметим интересные перемены в расписании станиц трёх Польских городов: они базировались на Валуйках, в Белгороде и Осколе (Старом Осколе). В Белгороде издавна существовала категория станичных детей боярских, которые возглавляли каждую степную станицу. По данным на 1616 год, Белгородская станица состояла из 13 человек: сына боярского, двух «вожей» (проводников, знатоков местности) и 10 (в некоторых станицах 9) «ездоков» – рядовых станичников, которые первыми сообщали в ближайший город вести о движении татар. Всего станиц насчитывалось 19, и в них служило 235 человек. Через десять лет – новое расписание. В каждой станице – по сыну боярскому, станичному атаману, 2 вожаей и 5 «ездоков» (всего 9 бойцов); число станиц достигло сорока, а ратных людей в них – 360 человек.

На Осколе в 1616 г. число и состав двадцати дозорных отрядов отличался от белгородских: 20 станиц по атаману и 8 «ездоков»; в 1626 г. их число осталось прежним, а структура приблизилась к белгородской – по сыну боярскому, атаману, двое вожей и 6 ездоков в каждой. На Валуйках в конце Смуты сторожевая служба не велась, а к 1626 г. было вновь учреждено 24 станицы, по атаману и 5 ездоков в каждой¹⁶⁴. Наблюдение за составом сторож показывает, что их стремились сделать более пригодными для узкоспециальных задач обнаружения и

¹⁶³ Подробнее о станичной службе см.: Курбатов О.А. Атаман, ездоки и вожи: станица русских пограничников 1630-х гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2014. – Т. V. – С. 71-83. <http://www.milhist.info/2014/06/11/kyrbatov_5> (11.06.2014)

¹⁶⁴ Книги разрядные... Т. I. Стб. 1938 – 1939.

сопровождения степняков: при необходимости отряд делился на две части, в каждой из которых оставался командир, проводник и несколько рядовых; при этом даже в таком составе они могли осматривать широкие участки степи, разъезжаясь по сторонам от основного маршрута. Каждый станичник в обязательном порядке имел двух лошадей с седлами, на которых следовал по своему маршруту попеременно; вооружение к 1630 г. было однотипным и состояло из «завесной» пищаля и, в большинстве случаев, сабли.

Подводя итог обзору организации поселенных войск на юге России, отметим главное: они ни в коем случае не были случайным сборищем «земледельцев разных званий». Со времен Ивана Грозного гарнизоны и военно-служилые корпорации уездов создавались по стройным и обоснованным

проектам, с вполне логичной последовательностью и соотношением различных категорий служилых людей. Штаты городских отрядов не просто существовали в проекте – они действовали как норматив. Даже привлечение на службу и житье в городах непредсказуемых по численности казачьих ватаг проходило по единому плану, на понятных условиях, а не анархически. Особенно же высокую степень развития мы видим в системе сторожевых станиц, продуманной и максимально обеспеченной всем необходимым для успешного функционирования. Только по полному незнанию можно было отказать войскам Русского государства на южной черте во второй половине XVI – XVII вв. в свойствах «регулярности», если понимать под этим термином правильную организацию армии вообще.

